

А. В. Ляхович

ПИСЬМО И КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА У ХАУСА

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются три значимые вехи в становлении и развитии книжной культуры у хауса Северной Нигерии: этап появления арабского письма и первых письменных памятников, этап возникновения письменности аджами литературы на языке хауса и этап перехода на латинскую графику и зарождения художественной литературы на языке хауса. Рассматривается трансформация функции литературы. Ранние сочинения, появившиеся в начале XIX в., используются в качестве средства провозглашения не только религиозных, но и политических идей. Литература на языке хауса, появившаяся в начале XIX в. и более века представлявшая собой сочинения на религиозные темы, в 1930-е годы под влиянием реформ британской администрации претерпевает серьезные изменения. Прозаическая художественная литература этого периода на языке хауса впервые использует потенциал литературы как средства художественного творчества, основываясь на синтезе фольклорного и литературного начал. Появление художественной прозы в 1930-х годах свидетельствует об изменении статуса литературы и фольклора в механизме хаусанской культуры, о выдвижении литературы как альтернативного фольклору способа осуществления художественной мысли, а не только как средства передачи определенной культурной/религиозной информации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: письмо, книжная культура, хауса, Нигерия

УДК 821(662.6)

DOI 10.31250/2618-8 619-2019-4(6)-141-152

ЛЯХОВИЧ АНАСТАСИЯ ВИКТОРОВНА —к.филол.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: anastasia_007007@mail.ru

ПОЯВЛЕНИЕ АРАБСКОГО ПИСЬМА И ПЕРВЫХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

Народ хауса — один из самых многочисленных в Западной Африке. Большая его часть населяет Северную Нигерию, которая является «историческим эпицентром распространения хауса» (Щеглов 1976: 4), а также республики Нигер, Чад, Камерун. Письменная культура у хауса появляется к концу XIV столетия, когда в результате развития внутрисуданской торговли в страны хауса проник ислам. Согласно хронике Кано, фульбе из Мали пришли в страну хауса, принеся с собой науки грамматики и догматики, до того хауса, помимо Корана, были известны лишь юриспруденция и традиции (Palmer 1908).

Одними из первых городов хауса, в которых начала развиваться мусульманская культура, были Кано и Кацина. В конце XV — начале XVI в. эти крупные центры торговли стали привлекательными для ученых из Северной Африки и из других исламских районов. Тем не менее, как пишет Г. С. Киселев, здесь упорная борьба между старыми верованиями и новой религией шла до начала XVI в. (Киселев 1980). «Сарки Канаджеджи, потерпев поражение от Заззау, вернулся к старым, языческим верованиям. В Кацине первоначальное принятие ислама сарки Мухаммаду Корау также... было весьма поверхностным» (Киселев 1981: 136). В городах Даура и Заззау ислам утвердился только к началу XVIII в. (Киселев 1980).

Исламизация городов хауса, по мнению Г. С. Киселева, проходила в несколько этапов: «В ранней исламизации хауса четко выделяются два этапа: вторая половина XIV — середина XV в. (первоначальное появление ислама) и вторая половина XV в. (укрепление ислама, сопровождавшееся деятельностью правителей-реформаторов)» (Киселев 1980: 37). «Поздняя, вторичная и основная (как по масштабам, так и по результатам) исламизация Северной Нигерии, явившаяся следствием социально-религиозного движения фульбе под предводительством Османа дан Фодио и последовавшего за этим объединения хаусанских государств в халифат Сокото...» (Киселев 1980: 25).

Арабский язык, арабская письменность и религиозная литература постепенно занимают важное место в культуре хауса. Среди хауса появились мусульманские ученые, маламы,¹ которые знали исламскую литературу и были сведущи в вопросах, недоступных не только обычным людям, но и часто даже эмиру и его приближенным. Большинство мусульманских ученых, которые жили в городах хауса в то время, были приезжие из арабских стран. Как пишет Ю. К. Щеглов, для Судана того времени характерна фигура странствующего ученого: «Средневековый суданский ученый путешествует по внутренним и транссахарским путям в постоянных поисках новых учителей и книг. Учась сам, он одновременно передает свои знания коллегам в других городах и государствах. Именно таким путем была занесена мусульманская наука в города хауса, в культурном отношении отстававшие от соседей. Главной формой просветительской деятельности в Кацине и Кано были “гастроли” ученых из Мали, Сонгаи, Борну и стран Магриба, из которых одни попадали сюда ненадолго, транзитом, совершая лекционную поездку по городам Судана, а другие оседали в стране хауса, основывали школы и занимали крупные должности в местной мусульманской общине» (Щеглов 1976: 40).

Число мусульманских ученых со временем росло: маламы приглашались для совершения религиозных обрядов, преподавали в коранических школах. В сказках хауса отражены представления,

¹ *Малам* (мн. *маламай*, ж. р. *малама*) — заимствование из арабского языка; мусульманский ученый, который знает молитвы и умеет читать Коран. Маламы преподают в коранических школах, традиционно также умеют изготавливать снадобья и талисманы.

согласно которым маламы обладают волшебной силой, данной им Богом. Некоторые маламы занимаются гаданиями, предсказаниями, изготовлением амулетов и лекарств. В магических целях и в так называемой «коранической медицине» применяются в первую очередь Коран и некоторые поэтические произведения (Добронравин 2004). В основе «коранической медицины» лежит вера в то, что священные тексты обладают сверхъестественной силой, которая может защитить человека от несчастья или решить какие-то проблемы.

Использование письма на раннем этапе исламизации имело ограниченный характер: «...записывалась старохаусанская поэзия, рецепты лекарств и магических снадобий, велись деловые записи и частная переписка» (Добронравин 1999: 115). Важно подчеркнуть тот факт, что «далеко не все тексты считались подходящими для передачи в письменной форме. В основе ограничений и запретов лежали... и сугубо практические обстоятельства, такие как постоянный дефицит бумаги, которая стоила очень дорого» (Добронравин 2004: 11).

Другим материалом письма были деревянные дощечки. Как пишет Н. А. Добронравин, до сих пор бумага и дощечки остаются наиболее распространенными материалами письма в Западной Африке (Добронравин 1999). «Некоторые тексты на деревянных дощечках долго хранятся и, в принципе, сопоставимы по записанным на них текстам с сочинениями на бумаге» (Добронравин 1999: 131). Чернила были обычно растительного происхождения. Использовались темно-синие или черные чернила, реже коричневые. Часто можно встретить чернила красного цвета, которыми писались огласовки, иногда диакритические точки. Кроме того, красным выделялись географические названия и имена собственные (например, пророка Мухаммада) (Добронравин 1999: 134).

И по сей день чернила применяются в Западной Африке в лекарственно-магических целях: «Текст одной из сур Корана или “магический квадрат”, написанный на деревянной дощечке, а иногда и на бумаге, смывается водой, и полученная смесь используется как целебное снадобье. Вероятно, устойчивость этой традиции в Западной Африке и других областях мусульманского мира связана с тем, что в состав “лечебных” чернил обычно входит древесный уголь, который успешно применяется и в европейской медицине» (Добронравин 1999: 134).

Рукописи обычно хранились в непереpletенном виде в кожаных футлярах или сумках. Исключение составляли Коран и некоторые особо почитаемые арабские теологические трактаты. Н. А. Добронравин указывает на то, что отсутствие переплета можно рассматривать как один из основных признаков, отличающих рукописи, написанные на аджами, от собственно арабских, которые могли переплетаться: «Такой переплет мог быть как кожаным, так и картонным или бумажным. Оформление переплета особо ценных книг, вероятно, влияло на прикладное искусство Западной Африки. Так, например, существует предположение, что “орнамент фасадов хауса происходит от мотивов тиснения кожаного переплета Корана и занесен паломниками по пути в Мекку”» (Добронравин 1999: 134).

Во второй половине XV в. в Кано и Кацине появляются правители-реформаторы. Они используют преимущества новой религии для усиления власти. «Важным следствием принятия ислама оказалось идеологическое обоснование территориальной экспансии наиболее сильных вождей хауса... Приняв ислам, хаусанские правители получили “законное” право обращаться в зависимость всех тех, кто, в их представлении, оказывался “неверным”» (Киселев 1981: 132).

Сильное влияние на правителя Кано, к примеру, оказал известный богослов и реформатор ислама из Тлемсена Мухаммед б. Абд ал-Карим ал-Магили: «Ал-Магили призывал суданских правителей к установлению “истинного” ислама, свободного от языческих пережитков и соответствующего Корану... Политические взгляды ал-Магили сводились к проповеди “централизованной

теократии, управляемой в соответствии с нормами шариата»» (Киселев 1981: 137). Как пишет Г. С. Киселев, правитель Кано Мухаммаду Румфа, вероятно, разделяя взгляды известного ученого на принципы политического устройства, обратился к нему за консультациями. Ал-Магили написал для хаусанского сарки трактат об искусстве управления страной «Обязанности правителей» (Киселев 1981). Создание этого сочинения — знаменательное событие в истории развития книжной культуры у хауса, впервые письмо используется не только в практических целях, но и для написания литературного произведения, имевшего политическое значение.

Марокканец Махлуф Бен Али Бен Салих ал-Билбали (ум. ок. 1533 г.) читал лекции в Кацине и Кано, среди его трудов — трактаты о ритуальной чистоте и юридическом статусе рабов, привозимых из страны хауса (Щеглов 1976). В XVII в. появляются такие мусульманские ученые, как Баба Кур из Кано, Мухаммад ал-Кашинави и его ученик Абу Абдалла Мухаммад ал-Барнави ал-Кашинави. Баба Кур написал историю Судана, которая, к сожалению, не сохранилась. Мухаммад ал-Кашинави, известный также под хаусанским именем Дан Марина (с хауса «Сын красильщиков»), написал оду в честь победы правителя Борну Али над джукунами. Как отмечает Ю. К. Щеглов, в этом произведении сочетаются черты как арабо-мусульманской литературы, так и хаусанского фольклора: «Вождь джукунов Левуфару описывается как самодовольный, напыщенный тиран (осуждение самоуверенности, гордыни — типично мусульманский мотив), а его противник маи Али — как спаситель народа и страны: “если бы не он...”, жителям Борну пришлось бы плохо (“если бы не ты...” — один из стереотипных мотивов так называемых похвальных песен хауса...))» (Щеглов 1976: 41). Деятельность Дан Марина и его ученика, который также получил хаусанское имя Дан Масани (с хауса «Сын ученого»), выделяется из общего числа мусульманских ученых, путешествовавших по странам хауса. Хаусанские имена, легенды, которые появились о них среди хауса, почитание их могил в Кацине — все это, по мнению Ю. К. Щеглова, свидетельствует об их более тесной связи со страной и культурой хауса, чем у их предшественников. «Вторая половина XVII в. — века торгового и политического подъема городов хауса — была... порой культурного созревания, перехода от ученичества и подражательности к созданию собственных научных школ» (Щеглов 1976: 41–42).

К сожалению, современная наука располагает сравнительно небольшим количеством памятников арабоязычной литературы Судана, созданных до XIX в. Во время джихада (1804–1809) большое количество архивов и рукописей было уничтожено. Однако многие произведения, не дошедшие до нас в письменном виде, до сих пор бытуют как часть устной традиции. Например, Дан Масани приписываются некоторые сочинения на языке хауса, но рукописи этих произведений не сохранились (Добронравин 2004). Нигерийский лингвист и литературовед Ибрахим Йаро Йахайя опубликовал текст «Песни о войне при Бадре» со следующим комментарием: «Мы слышали, как ее поют в Кано, и ездили в Кацину, в квартал Масанава, к потомкам Вали дан Масани, и они подтвердили нам, что это он сочинил ее, и позвали к нам одну женщину. Которую звали “малама Сауде”... и она нам ее спела» (Добронравин 2004: 18). Однако, по мнению Н. А. Добронравина, пока нет серьезных оснований связывать авторство песни с Дан Масани (Добронравин 2004).

К сохранившимся рукописям XVII–XVIII вв. относятся немногочисленные поэтические произведения на языке хауса. Это поэзия на хауса фульбского ученого Абдуллахи Сука, который жил в Кано около 1660 г. Рукописи, созданные в этот период, дошли до нас только в списках XIX–XX вв. и остаются неизданными (Добронравин 2004). В конце XVIII — начале XIX в. были созданы сочинения на языке хауса, которые приписываются Мухаммаду на-Бирнин Гвари и Ши’иту дан Абдурра’уфу: «По преданию, этим авторам принадлежат и переводы их собственных стихов,

первоначально написанных на арабском» (Добронравин 2004: 18). Эти произведения также сохранились в рукописях.

Развитие литературной традиции у хауса проходило сравнительно медленными темпами. Важнейшей причиной, как уже отмечалось, был дефицит бумаги. То ограниченное количество материала, которое было в распоряжении, использовалось в первую очередь для компиляции Корана, а также классических трудов по религиозно-юридической литературе. Далее приоритетным было изготовление амулетов, очевидно, потому что их продажа приносила прибыль (Hunwick, O'Fahey 1994).

В связи с этим характерной для Западной Африки была передача текстов в устной форме. «Например, тафсир и хадисы переводились на африканские языки, но до недавнего времени не записывались и бытовали только в устной форме. Однако устный тафсир или изложение хадисов на языке хауса и других языках Западной Африки (сонгай, фула, манден и др.) всегда опирались на арабский оригинал, обычно доступный исполнителям» (Добронравин 2004: 11).

Устная традиция испытывала сильное влияние со стороны арабо-мусульманской религиозной литературы, в первую очередь дидактического характера. Например, в дидактических сказках, пословицах и поговорках находят отражение религиозные нормы. Также в фольклоре получили распространение некоторые формы исламской литературы. Помимо хадисов, среди дидактических жанров популярностью пользовались *ва'ази* (проповеди, наставления).

В устной форме бытовала также «исламская» поэзия. Широкое распространение получили поэтические восхваления (мадх, на языке хауса *мадаху* или *ябо*), прежде всего обращенные к пророку Мухаммаду. Н. А. Добронравин отмечает, что такие сочинения на языке хауса создавались в подражание произведениям арабских поэтов, например «ал-‘Ишриниййат» (Ishriniya) магрибинца ал-Фазази (XIII в.) (Добронравин 2004). Популярны у хауса были также стихи о бренности мира (*зухдиййат*).

Достаточно рано — не позднее XVIII в. — уже существовала практика записывания генеалогий. Нам известны списки царей Кацины, Дауры, Гарун Габас. В XIX в. оформляется жанр хроники. Примерами хаусанских хроник являются хроника Кано, «История Замфары», хроника Зари, «История хауса» и др. До нас дошли списки не старше середины XIX в. (Щеглов 1976). В основе хаусанских хроник был список царей, правивших в том или ином городе. В отличие от генеалогий, хроники включают изложение исторических событий и характеристику правителей (иногда с использованием фольклорных элементов, например хвалебных эпитетов и песен).

ПОЯВЛЕНИЕ ХАУСАНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ АДЖАМИ И ЛИТЕРАТУРЫ НА ЯЗЫКЕ ХАУСА

«Для неафриканистов арабографические рукописи на фула, хауса, манден, зарма, канури, волоф и других языках Африки до сих пор остаются своего рода курьезом (в соответствии с давно устаревшим представлением об отсутствии письменности в доколониальной Африке). Лишь недавно появились первые относительно подробные каталоги, в которых учтены рукописи на африканских языках в арабской графике. Между тем на одном только языке хауса уже известно несколько тысяч арабографических сочинений, самые ранние из которых предположительно датируются приблизительно XVII в.» (Добронравин 1999: 130).

Как указывает Н. А. Добронравин, существуют различные оценки времени возникновения письменности на языке хауса *аджами*, от XIII до XIX в.: «Можно с уверенностью утверждать, что

из трех наиболее развитых письменных традиций Западной Африки, сложившихся к началу XIX в. (на хауса, фула и арабском диалекте хассания), старохаусанская была последней по времени возникновения. Многие черты аджами на языке хауса являлись заимствованиями из раньше возникшего фульбского варианта арабской графики. Некоторые произведения старохаусанской литературы представляли собой переводы, точнее, переложения сочинений, первоначально написанных на фула. В то же время следует учитывать, что арабографическая традиция на языке хауса до сих пор не является однородной. Она принадлежит как Западному, так и Центральному Судану» (Добронравин 1999: 114). А. Бивар различает собственно аджами и то письмо, которое он называет «джихади» (последнее появилось в XIX в. под влиянием египетских книг XVIII в.) (Добронравин 1999).

Н. А. Добронравин выделяет категорию рукописей, которые являются «ранними памятниками», созданными до джихада под руководством «обновителя ислама» Усмана дан Фодио в начале XIX в. Подробное описание этих рукописей затруднено, преобладают переводные произведения. Вслед за А. Биваром исследователь приходит к выводу, что ранние памятники были написаны двумя вариантами письма хауса: западносуданским письмом, ориентированным на фульбскую письменность, и собственно аджами (по А. Бивару), развивавшимся под непосредственным влиянием письменной традиции Борну (Добронравин 1999).

Тексты, созданные при Усмани дан Фодио и его наследниках — фульбских правителях империи Сокото (XIX — начало XX в.) — Н. А. Добронравин разделяет на следующие категории: а) архаические по языку, с большим числом диалектизмов, характерных для северо-западной периферии ареала языка хауса; б) относительно стандартизированные тексты, продолжающие традицию Запада (рукописи на так называемом «классическом хауса», преимущественно назм); в) тексты на восточных диалектах с минимумом западных примесей (Добронравин 1999).

«Причины возникновения “аджамских” письменностей на основе арабской графики, как и их отсутствия или слабого развития в некоторых областях мусульманского мира, остаются почти неисследованными. В научной литературе до сих пор преобладает представление о том, что арабографические сочинения создавались у неарабов для объяснения малопонятных текстов, написанных на классическом арабском языке, затем — на арабском и персидском, и т.п.» (Добронравин 1999: 33). По мнению Добронравина, распространение в научной литературе подобных объяснений обусловлено нормами христианской письменной традиции. Христианизация в странах Востока сопровождалась, как правило, созданием письменных толкований и осуществлением переводов богослужебной литературы на местные языки, в ходе чего для этих языков разрабатывалась письменность или адаптировалось греческое письмо. На Западе также существовало представление о необходимости письменного толкования и переводов Библии на христианские языки.

Процесс исламизации носил принципиально иной характер: особое значение классического арабского языка в мусульманской культуре и идея о невозможности перевода Корана на какой-либо иной язык препятствовали развитию иной письменной традиции, кроме арабской. В случае непонимания арабского неарабами-мусульманами происходило устное объяснение неясных мест в арабских текстах. «Во многих мусульманских общинах, даже сильно удаленных от арабского мира, например на Северном Кавказе и в Северо-Восточной Африке, арабское письмо веками использовалось вместе с арабским литературным языком, а местные языки почти не употреблялись на письме. Фиксация неарабских текстов в арабской графике оказывалась необходимой лишь для передачи топонимов и других имен собственных, а также для записи экзотической лексики (названий растений,

животных, минералов, видов оружия и утвари). Скорее всего, арабографические традиции у мусульман-неарабов возникли не в результате подобной записи. Их становление было связано, в основном, не с господствовавшими направлениями ислама, а с разного рода “отделившимися” сектами и ересями... либо с суфийскими тарикатами или даже отдельными шейхами и их семьями (в некоторых областях Западной Африки или у оромо Северо-Восточной Африки)» (Добронравин 1999: 33–34).

Одними из самых ранних произведений на языке хауса, как уже упоминалось, были переводы религиозной литературы с арабского языка и фула. Однако эти переложения не могут быть названы переводами в точном смысле этого слова, поскольку оказываются пересказом или адаптацией. Эти тексты существенно отличались от оригинала. Иногда оригинал был в прозе, а переводы были написаны в стихотворной форме. Кроме того, «переход практически всех оседлых фульбе на язык хауса привел к тому, что именно текст на хауса стал восприниматься как основной даже в тех случаях, когда его оригинал был создан на языке фула. Типичным примером такого бытования почти исключительно в переводах на хауса являются сочинения Усмана дан Фодио» (Добронравин 2004: 26).

В литературе в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. произошел настоящий переворот (Hunwick 1997). Он был связан с деятельностью лидеров джихада в странах хауса: мусульманских ученых шейха Усмана дан Фодио, его брата Абдуллахи дан Фодио, Мухаммаду Белло. Им принадлежит более трехсот религиозных сочинений в прозе и поэзии (Hunwick 1997). Ю. К. Щеглов описывает сочинения, созданные Усманом дан Фодио, Абдуллахи дан Фодио и Мухаммаду Белло, следующим образом: «Конечно, знака равенства между их произведениями и научно-литературной продукцией предыдущих веков поставить нельзя: труды семьи дан Фодио в той мере, в какой они посвящены событиям новейшей истории, отступают от схоластических канонов и не лишены черт жанрового и содержательного новаторства. Тем не менее в ряде отношений, особенно по стилю мышления и способу изложения, они, несомненно, продолжают линию средневековой суданской ученой литературы, опиравшейся, в свою очередь, на магрибинские и египетские образцы» (Щеглов 1976: 44). Кроме сочинений на арабском языке, Усман дан Фодио создал поэтические произведения на своем родном языке фула, а также на хауса. Его дочь Нана Асма’у писала на арабском, фула и хауса.

В этих сочинениях дается изложение и трактовка событий, обоснование политики Усмана дан Фодио и его реформ (Бессмертная 1991). Литературное творчество используется в качестве средства провозглашения не только религиозных, но и политических идей.

Книжная культура становится более доступной благодаря использованию языка хауса. Однако сочинения Усмана дан Фодио и приближенных к нему людей остаются в большей степени элитарными. В массовую культуру хауса эти религиозно-политические трактаты вошли аналогичным образом, что и исламская книжная традиция до них, т. е. опосредованно, через устное творчество. События начала XIX в., политика Усмана дан Фодио, его личность — все это стало частью фольклора. В различных жанрах устной традиции, исторических рассказах, легендах, даже сказках, можно обнаружить предания о чудесах, которые приписывались Усману дан Фодио, о противостоянии языческих и мусульманских провинций хауса и т.п.

Исламская литература оставалась вплоть до XX в. единственной формой литературного творчества. С началом джихада (начало XIX в.) или даже ранее стал проявляться разрыв между письменной литературой, которая основывалась на канонах религиозной литературы, и фольклором, который по преимуществу имел внерелигиозный характер: «Сторонники джихада и их последователи стремились установить доминирующую культуру, которая была главным образом исламской,

серьезной, городской и мужской. Кричащая пышность, безнравственность и “пустая болтовня”, предположительно, относились к жизни в сельской местности и к словам “женщины”, “дети” и “язычники”. Культ бори был для проституток и аморальных мужчин, традиционные сказки — для старых женщин и детей, песни несерьезного содержания — для земледельцев, охотников и тому подобных, только хвалебные песни оставались частью массовой культуры, но только те, которые заимствовали исламские идеалы и формы» (Furniss 1996: 204).

Разрыв существовал и между литературным и народным языком: языком литературы был изначально арабский, который противопоставлялся хауса. Позднее хауса, а также другие местные языки начинают использовать для переводов исламской литературы, и тогда появилось противопоставление «арабизированный хауса — хауса, почти не затронутый влиянием арабского языка».

Литература на арабском языке в это время остается элитарной (Добронравин 1999), предназначенной для узкого круга образованных людей. Возникающая на языке хауса литература не просто испытывает на себе ее влияние, она зарождается и оформляется в рамках эстетического канона исламской книжной традиции, во многом как ее имитация. Тем не менее появление литературных произведений на хауса свидетельствует о сформировавшейся к тому времени потребности общества в литературе не только элитарной, хотя для того чтобы литература на хауса стала массовой, должно было пройти еще немало времени.

ПОЯВЛЕНИЕ ЛАТИНИЦЫ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ЯЗЫКЕ ХАУСА

В середине XIX в. начинается изучение хаусанской культуры европейцами. Существенную роль в этом играло непосредственное сотрудничество хаусанцев с европейскими исследователями, развернувшими широкий сбор материалов по истории и культуре страны. На хауса переводились арабоязычные произведения, описывались обычаи, записывалась устная традиция. В связи с этим расширяется сфера письменной культуры, возрастает роль языка хауса как языка письменной литературы, хотя арабский по-прежнему остается языком «высоким» (Бессмертная 1994).

В это время повышается статус творчества на хауса. Основным языком высокой литературы остается арабский, но сочинения на хауса теперь становятся привычной и более широкой сферой творчества. Особое место занимает письменный хаусаязычный жанр «этнографические рассказы». Они описывают разнообразные аспекты повседневной действительности хауса: занятия, обряды, нормы обычного права и шариата, социальные группы и т. д. (Бессмертная 1991).

В литературе на языке хауса теперь определенно выделяются сочинения на «светские» темы: политические, социальные, философские. Канонические образцы религиозной литературы сохраняют значимость, но сфера проявления оригинально-авторского расширилась. Письменная поэзия обращается к местной устной поэтической традиции, воспринимая не только ее отдельные приемы, но и жанровые формы в целом (Бессмертная 1991).

Первое произведение прозы на языке хауса, основанное на авторском вымысле, — рассказ, сочиненный образованным хаусанцем Альхаджи Ахмедом (учившимся в это время в Тунисе) для немецкого собирателя Р. Притце (конец XIX в.). Здесь, как и в «этнографических рассказах», большое место занимает описание образа жизни хауса: путешествие через Сахару купца Агиги представляет ряд типичных ситуаций деятельности караванного торговца. Динамические событийные сцены (обнаружение долгожданного, но засыпанного песком колодца; столкновение с арабами-кочевниками; песчаная буря и др.) чередуются со сценами статическими (беседы Агиги с друзьями, проводником-туарегом и т. п.). Персонажи идеализированы (это образцовые профессиональные, национальные

и другие роли, иной раз «коллективные»), но обрисованы они выпукло, эмоционально (Бессмертная 1994).

Начало XX в. характеризуется активной просветительской деятельностью английских властей в Нигерии. В этот период выходит в свет большое количество литературы по здравоохранению, сельскому хозяйству и другим практическим областям, правительственные постановления и документы. Были изданы также школьные учебники, пособия и словари на латинице. Их появление было связано с реформированием системы образования.

Одной из реформ колониального управления становится реформа письменности — переход на латинскую графику, которая была призвана заменить традиционную форму письма хауса аджами. В 1902 г., через два года после создания протектората Северной Нигерии, верховный комиссар Ф. Лугард предложил сменить графику для языка хауса, которой был выбран в качестве языка администрации: «...учить еще и арабское письмо чиновники и миссионеры не желали. Среди аргументов против аджами были следующие: а) “это миссионерское изобретение, почти неизвестное мусульманским ученым”; б) аджами — “не настоящее арабское письмо... Африканские ученые слабо знают арабский, и арабы не могут прочесть их буквы”» (Добронравин 1999: 115–116). Ф. Лугард считал аджами отличной от арабской «третьей системой письма». После реформы письменности колониальные администраторы по-прежнему должны были сдавать экзамены по хауса, но уже на латинице, которая у хауса получила название «боко» (Добронравин 1999).

В начале XX в. появились первые печатные издания на хауса в латинской графике, выпускавшиеся как христианскими миссиями, так и колониальной администрацией. Такая литература еще не стала частью собственно хаусанской культуры. Но это был новый тип письменного текста. Одновременно появлялись представления хауса об иных принципах и целях словесного творчества, характере литературного произведения. Важную роль в этом процессе сыграло первое знакомство с англоязычной литературой, которая приобщала к новым формам творчества. «Взаимодействие с европейской культурой, обостряющее, в частности, интерес к национальным культурным ценностям, стало в это время одним из важных факторов развития хаусанской словесности» (Бессмертная 1994: 694).

Для того чтобы адаптировать новый вид письменности, необходимо было за короткое время создать литературу на латинице, которая бы «доставляла людям удовольствие и которую они хотели бы читать» (Furniss 1998: 88).

Важным шагом в этом направлении было основание Бюро переводов в Зарии в 1930 г. Деятельность сотрудников бюро включала переводы различной литературы с английского языка на африканские, в частности на хауса. Большая ее часть имела специальный, а не художественный характер. В это время началась работа над созданием массовой художественной литературы на языке хауса. С этой целью в 1933 г. директор бюро Р. Ист отправился в единственное тогда в Северной Нигерии среднее образовательное учреждение западного образца — Кацинский колледж. Р. Ист предложил сотрудникам и учащимся колледжа написать повести размером примерно в 20 000 слов, чтобы в дальнейшем опубликовать работы.

Задача, которая стояла перед участниками проекта, была весьма непростая, поскольку в хаусанской литературе отсутствовала традиция художественной прозы. Вплоть до начала XX в. проявление художественного вымысла допускалось в сказочном фольклоре, который считался несерьезным и предназначался лишь для женщин и детей. Большую часть литературы хауса составляла поэзия,² в основном религиозного характера, а также «светская», но обязательно серьезного со-

² См. об этом: (Furniss 1996; 1998).

держания (например, поэзия на политические темы). Когда Р. Ист поставил перед хаусанцами задачу создания литературы художественной, а следовательно, «несерьезной», он столкнулся с их представлениями о том, что считалось подходящим для выражения в письменной форме: «С целью найти авторов [произведений я] посетил основные города хауса и, собрав как можно больше представителей интеллигенции, постарался объяснить проект и привлечь тех, кто считал себя в достаточной степени талантливым, чтобы попробовать свои силы в создании художественной литературы. Первая трудность заключалась в том, чтобы убедить... Влияние ислама... порождает чрезвычайно серьезный тип личности. Искусство создания письменного текста в его [хаусанца] представлении, будучи глубоко связанным с религией, не может рассматриваться как нечто обыденное» (Furniss 1998: 89).

Новой формой стала, например, историческая повесть, предполагавшая возможность соединения истории и художественного вымысла. Однако сознательное смешение правды с вымыслом противоречило традиционному пониманию литературы, и Р. Исту приходилось не только объяснять специфику новых жанровых форм, но и доказывать их самоценность и право на существование (Furniss 1998). Хаусанцам оказалась чужда сама идея написания произведения, которое не должно было нести ни образовательной, ни духовной ценности; использование вымысла казалось недопустимым: «Было необходимо объяснить очень консервативной аудитории концепцию, которая была совершенно новой и имела сомнительный характер, если не безнравственный» (Furniss 1998: 89).

В 1933 г. Р. Ист провел литературный конкурс, и в результате были опубликованы первые художественные произведения на языке хауса, написанные в прозе:³ «Живая вода» Абубакара Имама (Alhaji Abubakar Imam 1934), «Гандоки» Белло Кагара (Alhaji Muhammadu Bello Kagara 1968), «Шейх Умар» Абубакара Тафава Балева (Abubakar Tafawa Balewa 1967) и «Идон Матамбайи» Мухаммаду Гварзо (Muhammadu Gwarzo б. г.). Пятая работа была написана Джоном Тафида в соавторстве с Р. Истом.

Большое влияние на творчество хаусанских писателей-прозаиков оказал доступ к зарубежной литературе и фольклору. Все они работали с 1930 г. в качестве сотрудников бюро. Среди первых переведенных на язык хауса произведений был сборник арабских сказок «Тысяча и одна ночь». Позднее с английского языка был сделан перевод романа «Странствие по свету Хаджи Баба» Дж. Мориера, «Робин Гуд» В. Скотта, «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Приключения барона Мюнхгаузена» Э. Распэ, «Путешествия Мунго Парка», «Двенадцатая ночь» У. Шекспира.⁴ По мнению Ю. К. Щеглова, переводы на хауса не могут быть названы переводами в точном смысле этого слова, поскольку оказываются пересказом или адаптацией (Щеглов 1976). Основными приемами при переводе становятся сокращение и упрощение текста оригинала, оставляются яркие и выразительные эпизоды, несущие эмоциональную и дидактическую нагрузку.

Различные источники указывают также на знакомство хаусанских писателей с европейской литературой и фольклором (сказки Андерсена, братьев Гримм) и в меньшей степени — с арабской (*макамы* ал-Харири) (Furniss 1996).

Художественная проза 1930-х годов имеет все черты литературы переходного типа — от традиционной словесности к современной литературе. Она развивается во многих странах Африки и возникает из-за отсутствия непрерывности литературного процесса, обеспечивающего преемственность традиций: «Литература развивается как бы скачками: средневековая традиция резко обрывается, а новая, современная, традиция начинает формироваться без видимой с ней связи, на

³ См. об этом: (Ляхович 2014; 2007; Lyakhovich 2018).

⁴ См. об этом: (Лаптухин 1970; Щеглов 1976).

другом уровне, с совершенно иными идейными задачами и арсеналом художественных средств... Подобные изменения — прямое следствие начавшейся с приходом колонизаторов ломки традиционного уклада в самых разнообразных его проявлениях» (Никифорова 1970: 34).

Литература переходного типа характеризуется такими признаками, как стадийный синкретизм, типичный для литератур, позднее других включившихся в общемировое литературное развитие, активное освоение опыта мировой литературы, подвижность и размытость жанровых форм, несформированность четких творческих принципов, пестрота повествовательных средств (Громов 2004).

Литература на языке хауса, появившаяся в начале XIX в. и более века представлявшая собой сочинения на религиозные темы, в 1930-е годы под влиянием реформ британской администрации претерпевает серьезные изменения:

- возникают представления о возможности применения художественного вымысла в литературе;
- к основным функциям литературы — обучающей, полемической и дидактической — добавляется эстетическая;
- литература осознается как способ художественного творчества.

Проза 1930-х годов на языке хауса впервые использует потенциал литературы как средство художественного творчества, основываясь на синтезе фольклорного и литературного начал. Появление художественной прозы в этот период свидетельствует об изменении статуса литературы и фольклора в механизме хаусанской культуры, выдвигении литературы как альтернативного фольклору способа осуществления художественной мысли, а не только как средства передачи определенной культурной/религиозной информации.

После латинизации арабское письмо постепенно стало вытесняться из сферы официальной переписки, также сократился объем издаваемой на аджами литературы. В то же время продолжали появляться новые сочинения на арабском и на хауса в арабской графике. «Параллельно на хауса и арабском с 1930 г. издавалась первая в Северной Нигерии газета “Джарида”. Доступной для нигерийских мусульман была также арабская литература, печатавшаяся в Египте и Ливане. Несмотря на латинизаторскую деятельность колониальной администрации Северной Нигерии, в некоторых сферах письменность аджами сохранялась, например в переписке, вывесках и объявлениях, религиозных публикациях и даже в периодической печати. Сохранялось в ограниченном объеме и преподавание арабской графики» (Добронравин 1999: 116).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бессмертная О. Ю. Литература на языке хауса (во второй половине XIX в.) // История всемирной литературы: в 9 т. М., 1983–. 1991. Т. 7. С. 691—695.

Бессмертная О. Ю. Литература на языке хауса (на рубеже XIX и XX веков) // История всемирной литературы: в 9 т. М., 1983–. 1994. Т. 8. С. 693—697.

Громов М. Д. Современная литература на языке суахили. М., 2004.

Добронравин Н. А. Арабиграфическая письменная традиция Западной Африки. СПб., 1999.

Добронравин Н. А. Исторические песни хауса. СПб., 2004.

Киселев Г. С. О ранней исламизации Северной Нигерии // Африка. История и историография. М., 1980. С. 25–39.

Киселев Г. С. Хауса. Очерки этнической, социальной и политической истории. М., 1981.

Лаптухин В. В. Хаусанская литература // Фольклор и литература народов Африки. М., 1970. С. 250–269.

Ляхович А. В. Мухаммаду Белло Кагара и эпические жанры у хауса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 1 (1). С. 100–104.

Ляхович А. В. Произведение «Шейх Умар» Абубакара Тафава Балева в контексте религиозной литературы хауса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2014. № 3. С. 73–80.

Никифорова И. Д. О национальной специфике западноафриканских литератур. М., 1970.

Щеглов Ю. К. Современная литература на языках Тропической Африки. М., 1976.

Abubakar Tafawa Balewa. Shehu Umar / transl. by A.N. Skinner. London, 1967.

Alhaji Abubakar Imam. Ruwan Bagaja. Zaria: Northern Nigerian Publishing Company, 1934. URL: www.gumel.com (дата обращения: 12.05.2019).

Alhaji Muhammadu Bello Kagara. Gandoki. Zaria, 1968.

Furniss G. Poetry, prose and popular culture in Hausa. Edinburgh, 1996.

Furniss G. Hausa creative writing in the 1930s: an exploration in postcolonial theory // Research in African Literatures. 1998. Vol. 29 (1). P. 87–102.

Hunwick J. The Arabic Literary Tradition of Nigeria // Research in African Literatures. 1997. Vol. 28 (3). P. 211–213.

Hunwick J. O., O'Fahey R. S. Arabic Literature of Africa, Volume 1. Writings of Eastern Sudanic Africa to c. 1900. Leiden; New York; London, 1994.

Lyakhovich A. V. “The water of cure” by Alhaji Abubakar Imam as an example of Hausa early fiction // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение и африканистика. 2018. Т. 10. № 1. С. 104–117.

Muhammadu Gwarzo. Idon Matambayi. Zaria, б. г.

Palmer H. R. The Kano chronicle // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1908. Vol. 38. P. 58–98.

HAUSA WRITING AND BOOK CULTURE

ABSTRACT. The article highlights three significant milestones in the establishment and development of Hausa book culture in Northern Nigeria: the introduction of Arabic writing and the emergence of first written monuments; the development of Hausa literature in *Ajami*; and the transition to Latin graphics and the emergence of Hausa fiction. The author focuses on the transformation of the function of literature. Early works, which appeared in the early nineteenth century, were used as a means of proclaiming not only religious, but also political ideas. This early Hausa literature underwent serious changes in the 1930s under the influence of the reforms of the British administration. Hausa fiction of the 1930s reveals the ability of literature to serve as a means of artistic creation, being based on a synthesis of oral and written elements. The development of fiction in the 1930s testifies a change in the status of literature and folklore in Hausa culture, as well as the promotion of literature as a way of implementing artistic thought alternative to folklore, not just a means of transmitting certain cultural or religious information.

KEY WORDS: Hausa literature, book culture, Nigeria, Hausa fiction

ANASTASIA V. LYAKHOVICH — PhD in Philology, Associate Professor, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

E-mail: anastasia_07007@mail.ru